

ВМѢСТО АПОЛОГИИ

Если вникнуть какъ слѣдуетъ во вкусъ ритуальнаго обвиненія, возникаетъ ощущение очень тяжелое, для впечатлительнаго человѣка нестерпимое. Вы вдумайтесь: вѣдь это про насъ — про меня, васъ, вашу мать! Каждый изъ насъ, говоря съ инновѣрцемъ, долженъ, значить, помнить, что тотъ, быть можетъ, въ эту самую минуту ежится и думаетъ: «а кто тебя знаетъ, не хлебнулъ ли когда-нибудь и ты изъ ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! Въ сущности, вѣдь это ужаснѣе, чѣмъ все остальное, что мы переносимъ въ этой тюрьмѣ. Я себѣ представляю, что впечатлительный человѣкъ, вдумавшись въ это обвиненіе какъ слѣдуетъ, во всю глубину, можетъ сойти съ ума отъ обиды и отчаянія, или, по крайней мѣрѣ, долженъ рыдать и рвать на себѣ волосы...

Человѣкъ менѣе слаонервный, но зато наивный, долженъ выбѣжать на улицу, хватать тамъ прохожихъ за полу или за пуговицу и доказывать имъ, пока не охрипнетъ горло, что это клевета, что мы ни въ чемъ подобномъ не виноваты. Наконецъ, человѣкъ слѣпороденный (среди насъ такихъ очень много) поступитъ иначе. Онъ себя успокоитъ обычными успо-

коительными фразами: что въ такую нелѣпость никто въ сущности не вѣритъ; что сами обвинители въ нее не вѣрятъ; что это просто политическій маневръ; что вся благоразумная часть христіанскаго населенія (а таковая, конечно, въ подавляющемъ большинствѣ) слушать не желаетъ подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словомъ, все обстоитъ благополучно и на Шипкѣ спокойно.

Я не принадлежу ни къ впечатлительнымъ, которые охаютъ, ни къ наивнымъ, которые оправдываются, ни къ слѣпорожденнымъ, которые не видятъ, что у нихъ подъ носомъ происходитъ. Особенно рѣзко долженъ отмежеваться отъ послѣдней категоріи. Конечно, очень удобно и очень пріятно вообразать, будто всѣ твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное пониманіе непріятельской психологіи всегда въ конечномъ итогѣ приводитъ къ величайшимъ пораженіямъ. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди нашихъ враговъ далеко не всѣ лыкомъ шиты и далеко не всѣ сознательные лжецы. Очень совѣтую одноплеменникамъ моимъ не заблуждаться на этотъ счетъ. Среди правыхъ есть и вполне искренніе люди. Эти люди совершенно искренно вѣрятъ, что евреи дѣйствительно употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ младенцевъ; по крайней мѣрѣ, что среди евреевъ есть такая секта. Эти люди могутъ также совершенно искренно думать, что убійство Юцинскаго въ этомъ смыслѣ подозрительно и что надо его разслѣдовать съ особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупятъ отечественную Θεмиду, и дѣло будетъ замазано. Они совершенно искренно считаютъ евреевъ богатыми, а отечественную Θεмиду покладистой. Поэтому отдѣлаться отъ нихъ будетъ не

такъ легко и не такъ просто, какъ это думаютъ многіе изъ насъ. Вообще все это дѣло гораздо сложнѣе.

Оно особенно сложно потому, что вѣра въ ритуальныя убійства распространена не только среди правыхъ. Въ нейтральной, безпартійной массѣ, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрѣніе. Смѣшно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли разъ всякій изъ насъ, кому только приходилось встрѣчаться съ христіанами, слышалъ отъ самыхъ милыхъ людей откровенныя признанія въ этомъ сомнѣніи? Конечно, милые люди выражаютъ это сомнѣніе не въ такой грубой формѣ. Они обыкновенно говорятъ такъ: — конечно, мы не сомнѣваемся, вы и ваши близкіе объ этомъ не знаете. Но... можетъ быть, ваши раввины знаютъ? Мало ли такихъ древнихъ религій, въ которыхъ высшія таинства извѣстны только немногимъ посвященнымъ? — Другіе еще добрѣе, они идутъ еще дальше по пути уступокъ и ставятъ вопросъ такъ: — можетъ быть это какая-нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечетъ всѣ секты въ лонѣ еврейства и всѣ тайны каждой секты? Вотъ и у насъ есть изувѣры — хлысты и скопцы — развѣ мы за нихъ въ отвѣтъ? Зачѣмъ же вамъ такъ волноваться и огуломъ отрицать то, что всетаки, быть можетъ, имѣется въ дѣйствительности? — Такъ говорятъ многіе, очень многіе изъ самыхъ милыхъ нашихъ сосѣдей; причемъ я ихъ называю милыми безъ всякой ироніи, а серьезно. Есть вполне порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно въ этомъ смыслѣ. Кто скажетъ, будто такихъ нѣтъ, тому я просто отвѣчу, что онъ говоритъ неправду. Они есть, и всякій изъ насъ имѣлъ случай ихъ видѣть

и слышать. А сколько такихъ, которые не высказываютъ вслухъ, но думаютъ то же или еще хуже? И больше спрошу: гдѣ гарантія, что это подозрѣніе такъ цѣпко держится только въ безпартійной, нейтральной средѣ? Неужели для того, чтобы стать кадетомъ, надо раньше искоренить въ себѣ всѣ предразсудки, даже взрощенные вѣками? Неужели въ рядахъ трудовиковъ нѣтъ мѣста человѣку, который подписывается подъ всей партійной программой, но все-таки еще не можетъ, положа руку на сердце, поручиться, что въ Талмудѣ, который знать онъ не обязанъ, нѣтъ параграфа о ритуальномъ убійствѣ? Не хочу вести это разсужденіе дальше налѣво, только напомню, что главный матеріаль, изъ котораго строятся или должны-бы строиться русскія лѣвыя партіи, это — или крестьянство, или фабричные, вчера вышедшіе изъ деревни. Наши слѣпорожденные горько ошибаются, и суждено имъ еще горько разочароваться.

Ошибаются во многомъ и наивные — тѣ, что по всякому поводу становятся въ позу и начинаютъ защитительную рѣчь. Ихъ доводы такъ же однообразны, какъ обвиненія противной стороны. Одно и то же изъ вѣка въ вѣкъ. Сначала доказывается, что еврейская вѣра воспрещаетъ употребленіе крови; затѣмъ идетъ доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжествомъ истины, оправданіемъ невиновныхъ и посрамленіемъ клеветниковъ. И толпа этихъ доводовъ не слушаетъ, и никто въ толпѣ съ ними не считается. На перечень оправдательныхъ приговоровъ отвѣчаютъ: жида подкупили судъ. На перечень текстовъ, запрещающихъ употребленіе крови, отвѣчаютъ: значитъ, есть еще одинъ текстъ, кото-

рый разрѣшаетъ, и сего-то вы намъ не хотите процитировать. Вся аргументація пропадаетъ даромъ, какъ вода въ дырявой бочкѣ. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Мѣсто ей — на судѣ, мѣсто ей — въ настоящемъ парламентѣ, но только въ настоящемъ, гдѣ происходитъ дѣйствительно серьезное разсмотрѣніе серьезныхъ вопросовъ. Когда вмѣсто парламента имѣется митингъ, чтобы не сказать хуже, — митингъ, гдѣ съ трибуны несутся ругательства, оскорбленія, призывы «бей», гдѣ резоновъ никто не слушаетъ и документами никто не интересуется, — тогда защитительное краснорѣчіе не имѣетъ никакой цѣнности и никакого смысла. Двѣсти раввиновъ (въ который разъ) печатно побожились, что евреи не пьютъ крови младенцевъ, — и никто этого не замѣтилъ, даже черносотенная пресса не огрызулась какъ слѣдуетъ: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатлѣніе произвели и произведутъ всѣ бывшія и будущія рѣчи на эту тему еврейскихъ депутатовъ. Съ документами и доводами считаются тамъ, гдѣ собрались люди съ намѣреніемъ спокойно и безпристрастно изслѣдовать. Въ атмосферѣ свалки, бѣшенства, битья чѣмъ попало — всѣ оправдательныя слова неумѣстны.

Можетъ быть, даже вредны. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ евреи въ Россіи плотно сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Это не ихъ вина. Но вотъ что безспорно ихъ вина: они себя держатъ, какъ подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсѣмъ не революціонеры, не уклоняемся отъ воинской повинности и не продавали Россію японцамъ. Выскочилъ Азефъ — мы начинаемъ бо-

житься, что мы не виноваты, что мы совсѣмъ не такіе, какъ онъ. Выскочилъ Богровъ — и опять насъ за шиворотъ тащутъ на скамью подсудимыхъ, и опять мы входимъ въ навязанную роль и начинаемъ оправдываться. вмѣсто того, чтобы повернуть обвинителямъ спину, ибо не въ чемъ и не передъ кѣмъ намъ извиняться, мы опять божимся, что мы тутъ не при чемъ, и для пущей убѣдительности начинаемъ усердно отплеываться отъ памяти Богрова, хотя надъ этимъ — каковъ бы онъ ни былъ — несчастнымъ юношей, въ часъ изумительной его кончины, и безъ насъ достаточно надругались тѣ десять хамовъ изъ выгребной ямы кіевскаго черносотенства. Теперь подняли гвалтъ о ритуальномъ убійствѣ — и вотъ уже мы опять вошли въ роль подсудимыхъ, мы прижимаемъ руки къ сердцу, перебираемъ дрожащими пальцами старыя кипы оправдательныхъ документовъ, которыми никто не интересуется, и божимся на всѣ стороны, что мы этого питья не потребляемъ, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ... Доколѣ? Скажите, друзья мои, неужели вамъ эта канитель еще не надоѣла? И не время ли, въ отвѣтъ на всѣ эти и на всѣ будущія обвиненія, попреси, заподозриванія, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, въ качествѣ единственнаго аргумента, который понятенъ и доступенъ этой публикѣ, заявить: убирайтесь вы всѣ къ чорту? Кто мы такіе, чтобы предъ ними оправдываться, кто они такіе, чтобы насъ допрашивать? Какой смыслъ во всей этой комедіи суда надъ цѣлымъ народомъ, гдѣ приговоръ заранѣе извѣстенъ? Съ какой радости намъ по доброй волѣ участвовать въ этой комедіи, освящать гнусную

процедуру издѣвательства нашими защитительными рѣчами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги не повѣрятъ, равнодушные не вслушаются. Апологіи отжили свой вѣкъ.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться передъ всякимъ сбродомъ принесла намъ уже огромный вредъ и принесетъ еще большій. Населеніе привыкло къ этому, привыкло слышать изъ нашихъ устъ жалобный тонъ обвиняемаго. Положеніе, которое создалось въ результатъ, трагически подтверждаетъ извѣстную поговорку: *qui s'excuse s'accuse*. Мы сами приучили сосѣдей къ мысли, что за всякаго проворовавшагося еврея можно тащить къ отвѣту цѣлый древній народъ, который законодательствовалъ уже въ тѣ времена, когда сосѣди еще и до лаптя не успѣли додуматься. Каждое обвиненіе вызываетъ среди насъ такой переполохъ, что люди невольно думаютъ: какъ они всего боятся! Видно, совѣсть нечиста. Именно потому, что мы согласны въ любую минуту вытянуть руки по швамъ и принести присягу, развивается въ населеніи неискоренимый взглядъ на насъ, какъ на какое-то специально-вороватое племя. Мы думаемъ, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы въ концѣ-концовъ убѣдить человѣчество въ нашемъ благородствѣ: вотъ мы молъ какіе джентльмены — намъ нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящіе джентльмены — это тѣ, которые никому и ни за что не позволяютъ обыскивать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы къ обыску во всякій часъ. И мы себя ставимъ именно въ такое положеніе, не считаясь съ самой ужасной опасностью: а что, если намъ подбросятъ краденую вещь?

До сихъ поръ ритуальныя убійства подбрасывались намъ почти всегда неумѣлыми, топорными руками. Но я считаю вполне возможнымъ, чтобы и въ этой области сказался однажды общій техническій прогрессъ нашего времени. Можетъ найтись виртуозъ, который такъ умно и тщательно разработаетъ планъ, учтетъ и предусмотритъ всѣ неожиданности, что эффектъ получится самый ослѣпительный. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Среди анти-семитовъ теперь есть очень культурные люди, а съ другой стороны — очень богатые и могущественные люди, которымъ доступны самыя вѣрныя средства фальсификаціи. Не такъ трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидѣтеля: этого добра и въ прежнія времена было не мало, а теперь особенно. Въ результатѣ могутъ предъ нами въ одинъ прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедію ритуальнаго убійства, что самый честный, самый безпристрастный судья поколеблется. Что же мы скажемъ тогда — мы, которые чуть не всю свою оборону строимъ на томъ, что судьи насъ по большей части оправдывали? Но я считаю возможнымъ, даже вполне вѣроятнымъ и другой, гораздо болѣе ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы одинъ изъ первыхъ народовъ по количеству душевно-больныхъ. Въ той атмосферѣ травли, которую создаетъ вокругъ насъ басня о ритуальномъ убоѣ, могутъ въ концѣ-концовъ у насъ народиться и маніаки, помѣшавшіеся на этой баснѣ. Если не ошибаюсь, въ Падуѣ въ XVI вѣкѣ былъ такой случай: еврей Давидъ Морпурго впалъ въ безуміе и сталъ кричать, чтобы къ нему привели 3-лѣтнюю дочь сосѣда-католика — онъ ее зарѣжетъ и окропитъ ея кровью опрѣснокъ. Раввины связали его и вы-

дали властямъ; по счастью, безуміе его оказалось очевиднымъ, и дѣло не кончилось погромомъ. Но за 400 лѣтъ наши нервы сильно расшатались, и теперь не будетъ чудомъ, если явится болѣе утонченный маниакъ, который кричать не станетъ, а просто возьметъ и сдѣлаетъ. Я считаю страннымъ счастьемъ, что этого до сихъ поръ не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живемъ, подъ какимъ ужасомъ воспитывается наша молодежь. Мы уже видѣли такихъ, которые помѣшались на революціи, на террорѣ, на экспроприацияхъ; въ эпидеміи самоубійствъ есть несомнѣнная примѣсь психическаго расстройства; недавнее половое повѣтріе тоже выдвинуло замѣтный элементъ явныхъ маниаковъ. И вотъ, если разразится такая бѣда, что мы скажемъ, какіе тексты вытащимъ? Будемъ ждать реабилитаціи своего народнаго имени отъ суда и экспертовъ: если они признаютъ, что это сумасшедшій, то наша честь спасена; а если маниакъ попадется вродѣ Джека-потрошителя, трезвый и уравновѣшенный во всемъ, кромѣ своей маніи, и покажется экспертамъ здоровымъ, тогда мы, значитъ, признаемъ себя обезчещенными навѣкъ? Ибо таковъ будетъ неотвратимый выводъ изъ нашей маніи — реагировать на каждый попрекъ, принимать всенародно отвѣтственность за каждый проступокъ еврея, оправдываться передъ кѣмъ попало — въ томъ числѣ и чортъ знаетъ передъ кѣмъ.

Я считаю эту систему ложной до самаго корня. Насъ не любятъ не потому, что на насъ взведены всяческія обвиненія: на насъ взводятъ обвиненія потому, что не любятъ. Оттого этихъ обвиненій такъ много, они такъ разнообразны и такъ противорѣчивы. Сегодня намъ кричатъ, что мы эксплуатируемъ бѣд-

ныхъ, завтра кричатъ, что мы сѣмъ социализмъ, ведемъ бѣдныхъ противъ эксплуататоровъ. Одна польская газета на-дняхъ увѣряла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее Россіи, а 100 русскихъ газетъ увѣряютъ, что евреи хотятъ расчленить Россію и возстановить Польшу. Итальянцы увѣряютъ, что нападки на нихъ во всей европейской прессѣ — дѣло евреевъ, а турецкая оппозиція утверждаетъ, что на захватъ Триполи подбили Италію евреи. Что же, на весь этотъ визгъ и лай со всѣхъ сторонъ надо откликаться, божиться, увѣрять, присягать? Немыслимо и бесполезно. Если даже опровергнемъ одно, родится другое. Человѣческая злоба и глупость неистощимы. Съ оправданіями можно выступать только въ рѣдкіе, исключительно важные моменты, когда есть полная увѣренность, что сидящій предъ тобою ареопагъ дѣйствительно имѣетъ справедливыя намѣренія и надлежащую компетенцію. Но дѣлать изъ апологіи систему для каждаго дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемаго парламентомъ, на летучіе столбцы газеты — это значитъ унижать себя до равенства съ лающей псарней.

Намъ не въ чемъ извиняться. Мы народъ, какъ всѣ народы; не имѣемъ никакого притязанія быть лучше. Въ качествѣ одного изъ первыхъ условій равноправія, требуемъ признать за нами право имѣть своихъ мерзавцевъ, точно такъ же, какъ имѣютъ ихъ и другіе народы. Да, есть у насъ и провокаторы, и торговцы живымъ товаромъ, и уклоняющіеся отъ воинской повинности, есть, и даже странно, что ихъ такъ мало при нынѣшнихъ условіяхъ. У другихъ народовъ тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, — и, однако, ни-

чего, сосѣди живутъ и не стѣсняются. Нравимся мы или не нравимся, это намъ, въ концѣ-концовъ, совершенно безразлично. Ритуальнаго убійства у насъ нѣтъ и никогда не было; но если они хотятъ непремѣнно вѣрить, что «есть такая секта» — пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло, съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько: ходятъ, поднявъ голову, смотрятъ всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ-давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшнихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена, и никто не доросъ звать насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже уйдемъ. Мы такіе, какъ есть, для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ.

1911.